

IN MEMORIAM

ПАМ'ЯТИ МИХАИЛА ГИРШМАНА

**«Белеет парус одинокий...»
Памяти ученого М.М. Гиршмана**

Поздняя весна 2015 г. Донецк. Не стало М.М. Гиршмана. Он долгие годы был символом интеллектуальной жизни Донбасса, его имя – знак донецкой филологии, теории литературы, идеи которой уважают гуманитарии постсоветского научного пространства. Но это общее, хорошо известные и уже давно неоспоримые истины. Его не стало. И память заставляет обращаться не к этим идеям, а к сокровенному: к тому, что только для тебя значит учёный, у которого учился многие годы. Эта сокровенность воспоминаний, построенная на игре памяти и забвения, создаёт неповторимый образ прошедшего, ощущения от пережитого. А. Ассман в одной из последних книг, точно названной «Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика», определила забвение целенаправленной стратегией и определённым ресурсом, которым пользуется

культура и человек, защищаясь от пережитого. Но иногда забвение – это и способность достойно сохранить память о событиях минувшего.

Зима 1975 г. Вечер. Я совсем маленькая. Пытаюсь заснуть рядом с мамой – студенткой-филологом. Понимаю, что просить рассказать сказку нельзя: мы прошли их давно в каком-то УНТ, прочитать сказки Пушкина или Лермонтова тоже не стоит просить – мне их уже читали, когда мы готовились к экзамену по русской классической литературе, а Горького – совсем недавно. Может быть, мама прочтёт из той толстой книги на коленях? Слышу ответ: Нет. Ты не поймешь – это теория литературы у Гиршмана. Пытаюсь спросить, что такое теория-литературы-у-Гиршмана. Получаю ответ: Это очень страшно. Спи.

Сентябрь 1984 г. Воскресный день. Областной Дом пионеров. Заседание Малой Академии наук. Старшеклассники всей области выбирают, кем хотят быть, с серьезным видом знакомятся с университетской профессурой, которая с торжественным выражением лиц рассказывает о профессиях юристов, экономистов, физиков, филологов, историков. Я уже записана в группу «Юный экономист». Собеседование удачно пройдено. Выбор сделан. Иду мимо соседней двери, из которой слышу мелодичный, сильный, выразительный мужской голос, читающий «Белеет парус одинокий...». Тихая любовь к филологии заставляет остановиться. Мама пытается увести меня. Но что страшного в том, что я только послушаю, как читаются стихи? Мама качает головой: войдешь в эту дверь – станешь филологом.

Февраль 1987 г. Семинар на филологическом факультете Донецкого государственного университета, собравший всех желающих студентов, преподавателей. Всё тот же сильный, выразительный голос – голос Гиршмана вещает: весь мир лежит на плахе. Надо ответственно понять: Айтматов уловил тот тонкий и точный образ, который характеризует нашу современность. Совість личности – единственное, что может и призвано спасти наш мир, почти утративший опоры нравственности и морали. Их выбор – удел поистине сильных, способных подняться над суетой и соблазнами, избежать плахи малодушия, предательства и аморальности. Большая аудитория молчит. Она стала слухом, как бывает почти всегда, когда выступает Гиршман.

Весна 1989 г. Собрание третьекурсников. Происходит невиданное для университета: Гиршман добился трехлетней специализации по художественной культуре. Для 5 отобранных студентов их последний – шестой год обучения – будет на философском факультете МГУ им. Ломоносова. А три года перед этим – лекции кафедры теории литературы и прежде всего самого Гиршмана. Прослушивание записей лекций Мелетинского, Гаспарова, Иванова..., сделанные на больших бобинах и пересланные из Москвы друзьями Гиршмана. А еще чемоданы книг, привезенные им после конференций, и строгие вопросы: а Вы уже прочли новую книгу Бочарова? А со статьей Михайлова в последнем номере «Контекста» разобрались? Неужели Вы еще «Одиссей», посвященный школе Анналов, не видели? Отвечать отрицательно – стыдно, как и лгать, что читал-разобрался. Надо успевать. Если хочешь стать профессионалом. Так постоянно говорит Гиршман.

Зима 1991 г. Экзамен по теории литературы. Теперь понимаю на собственном опыте, что «теория-литературы-у-Гиршмана» – это действительно страшно. Страшно и стыдно не знать, не разобраться, недочитать, недопонять. Возле аудитории замершая толпа обреченных пятикурсников: простым заучиванием или пафосом громких имен и надерганных умных цитат не получится сдать. Надо показать понимание предмета. У редких людей выходит с 1-го раза, у кого-то это получается с 3-4-го, а у некоторых – и с 7-9-го раза. Но так готовят специалистов. Так отвечают за свою подпись в зачетке и оценку в дипломе.

Осень 1998 г. Гиршман правит в очередной раз мой автореферат кандидатской диссертации. Нет, он не мой научный руководитель. Но заведующий кафедрой, он профессиональный ученый, отвечающий за то, что выходит в мир с нашего факультета. То, что он не выпускает «полуфабрикаты», и студенты и аспиранты давно знают. Мы посмеиваемся, подсчитывая, сколько вариантов авторефератов было у каждого из нас, прежде чем нам разрешили их показать приличным людям.

Весна 2002 г. Я готовлю проспект докторской диссертации. И снова не к Гиршману, а теперь в докторантуру КНУ им. Шевченко, и не только по теории литературы, но еще и по журналистике. Но не показать Гиршману, не получить его оценку – быть неуверенной в направлении, не пройти проверку профессиональным ОТК.

Декабрь 2009 г. Москва. Конференция в ИМЛИ. Мой доклад. Гиршман внимательно слушает, сидя рядом с Тамарченко. Две легенды смотрят на меня, в очередной раз, заставляя почувствовать, что теория литературы – это всё-таки страшно. Тогда я еще не знаю, что в последний раз вижу и слушаю обоих.

Июнь 2015 г. Летняя гроза за окном. Вот я и пережила в очередной раз диалог со своей памятью и забвением.

*Элеонора Шестакова,
доктор филологических наук, Донецк*

Целостность как глубинное единство: донецкая и уральская филологические школы в свете теории М.М. Гиршмана

Мне довелось увидеть Михаила Моисеевича всего два раза: на одной из давних конференций я слушала его доклад, второй раз он был у нас в Екатеринбурге то ли на заседании диссертационного совета, то ли на семинаре. Но имя М.М. Гиршмана всегда было для меня среди самых авторитетных и известных еще со студенческих лет. Михаил Моисеевич запомнился мне очень интеллигентным, располагающим к себе, открытым – настоящим филологом. Создатель и многолетний лидер нашей кафедры в Уральском государственном педагогическом университете Наум Лазаревич Лейдерман хорошо знал Михаила Моисеевича, чувствовал в нем человека, близкого по духу и по методологическим подходам к литературе. Свое уважение к коллеге он передал и нам. В трудах М.М. Гиршмана неизменно преобладал интерес к художественности литературы; содержательная и структурная составляющие рассматривались в единстве, в аспекте тех функций, которые отведены им в порождении чудесного эффекта образности.

На первом курсе мы знакомим студентов с феноменом целостности художественного произведения, опираясь, в том числе, на идеи книги М.М. Гиршмана «Литературное произ-

ведение. Теория и практика анализа» (1991). Ученый настаивал на необходимости рассмотрения художественного произведения в триединстве инстанций автора – героя – читателя, образующих динамичное поле взаимодействий. С этой точки зрения, художественное произведение есть процесс взаимоперехода художественного мира в текст (для автора) и текста в художественный мир (для читателя), процесс вновь и вновь возобновляющегося смыслообразования. Произведение – не застывший текст, но снова и снова осуществляющееся событие создания – созерцания – понимания художественной целостности. Размышляя в том же направлении, что и М.М. Бахтин, М.М. Гиршман подчеркивал, что элементы произведения не являются изначально, а становятся художественно-значимыми в процессе развертывания художественной коммуникации. Вторая важная идея, которую мы стремимся донести до студентов, это различие понятий «целое» и «целостность». Целостность (воплощающая полноту бытия) есть то, что связывает обособленные элементы произведения, обнаруживает их глубинную неразрывность; целое – то, что являет собой и через себя породившую его целостность. Такой взгляд на произведение, помимо теоретической продуктивности, имеет и самое непосредственное отношение к методике преподавания литературы, особенно в средних классах школы: мы можем анализировать целостность произведения через эпизод, поскольку любой компонент несет в себе закон целостности. Особенно актуальность эта идея приобретает сейчас, когда учащимися почти утрачен навык чтения больших текстов, да и часы, отводимые на литературу, неуклонно сокращаются и в школе, и в вузе.

В практикуме по поэтике (на втором курсе), когда мы стремимся конкретизировать ранее полученные теоретические знания путем применения их в той или иной частной методике анализа произведения, одно из практических занятий базируется на книге М.М. Гиршмана «Ритм художественной прозы» (1982). По мысли ученого, именно ритм обеспечивает целостность, единство многообразия, соединяет повторяемость и уникальность, необходимость и свободу. Студенты с увлечением подсчитывают колонны, но за этой «арифметикой» не теряется тонкость стихотворений в прозе И.С. Тургенева.

Затем мы снова обращаемся к работам Михаила Моисеевича уже на третьем курсе, в практикуме по жанрово-стилевому анализу произведений. Завершающий курс теории литературы, а у магистрантов – еще и курс истории отечественного литературоведения, позволяет увидеть идеи М.М. Гиршмана в контексте науки о литературе 1970–1990-х гг.

Мне кажется, что книги М.М. Гиршмана не только не утратили свою актуальность, но и, более того, дают нам взвешенные, продуктивные идеи сейчас, когда так много говорится о кризисе в литературоведении.

Личность Михаила Моисеевича сохраняет свое обаяние. Е.Г. Эткинд в «Записках незаговорщика», в «Барселонской прозе» не раз обращался к характеристике настоящего интеллигента. Комментируя публикацию переписки репрессированных М.К. Азадовского и Ю.Г. Оксмана, Ефим Григорьевич отмечал: «Их переписка – это, как сказано, увлекательный эпистолярный роман, но это и школа научной нравственности – школа для каждого из нас: вот как надо дружить в науке, вот как надо быть выше не только бытовых неурядиц, но и террористической государственной политики, направленной против науки и ученых! Не это ли отличает подлинную интеллигенцию? Высокая духовная позиция, внутренняя необходимость подняться выше собственных бедствий, сохраняя бескорыстную преданность культуре, своим идеалам, своим учителям, ученикам, братьям»¹.

Память о М.М. Гиршмане, выдающемся ученом, прекрасном человеке, одном из наших учителей в науке, позволяет ощутить единое смысловое пространство нашей науки о литературе, ее целостность как глубинную неделимость самостоятельных научных школ, способных вести заинтересованный диалог устремленных к общей цели гуманизации человека и общества.

*Нина Барковская,
доктор филологических наук,
профессор кафедры литературы и методики ее преподавания
Уральского государственного педагогического университета,
г. Екатеринбург, Российская Федерация*

1 Эткинд Е.Г. Поздние уроки [Электронный ресурс] / Вопросы литературы. – 1999. – № 4. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/1999/4/etkind.html> (дата обращения 08.06.2015).

С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
 Всею кровью прорастайте в них, –
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь!
Когда уходите на миг!

Баллада о прокуренном вагоне (А. Кочетков)

С таким учителем, филологом и человеком, как Михаил Моисеевич Гиршман, трудно прощаться и невозможно проститься навек. Филолог, который являл собой «службу понимания», оставил всем своим ученикам завет любви – любви к Слову. Он всегда надеялся, что его ученики, несмотря ни на что и вопреки всему, смогут сохранить верность филологическому знанию и будут способствовать лучшему человеческому пониманию и взаимопониманию. Общим языком человечества для М.М. Гиршмана был, конечно же, язык поэзии, которая не должна покидать человека и способна даже в самое темное время «ословесить» нашу жизнь.

Михаил Моисеевич был целостностью, душой и разумом кафедры теории литературы и художественной культуры, которую он создал, как настоящий демиург, и развивал. Ощущая не только ритм прозы и поэзии, Михаил Моисеевич ощущал ритм самой жизни, ее стремительность и мгновенность, многогранность, многосмысленность. Он создал свой стиль – стиль общения и преподавания, открытый, артистичный, в высшей степени толерантный язык человека интеллигентного, которому хотелось подражать, потому что он служил для нас всех примером. Мудрость и глубина Михаила Моисеевича нравилась многим, он увлекал за собою не только зрелых коллег, но и студентов, даже школьников, которые приходили по средам в школу юного филолога, созданную Михаилом Моисеевичем Гиршманом и его женой – Дианой Васильевной Дубининой. Там в доступной форме, терпеливо, внимательно следя за реакцией аудитории, объясняли вещи сложные, например, то, что вхождение в область бытийности начинается с понимания онтологической целостности. И понимание между профессором Гиршманом и школьниками было возможно вследствие его доброты и чувства юмора. Благодаря этой школе и я полюбила филологию, и для меня эта наука стала делом всей жизни!

Кажется, что только вчера он читал нам стихотворения, проводил свои лекции, комментировал наши научные доклады, поощрял и поддерживал нас в непростых начинаниях и верил, всегда верил, в возможность наших свершений. Прорастая всей кровью в учениках, в своих многочисленных занятиях, Михаил Моисеевич горел и умел радоваться жизни, заражая и заряжая этим горением всех окружающих.

Мы любим, помним своего учителя и благодарны за то, чему и как он нас учил, и за то, что он просто был в нашей жизни! Ведь большая удача встретить человека исключительно, настоящего ученого в своем родном городе и быть сопричастным той школе, которую с такой бережной любовью создавал Михаил Моисеевич Гиршман!

Светлая память!

*Виктория Погоржельская-Любецкая,
кандидат филологических наук,
преподаватель кафедры русской филологии и зарубежной литературы
Криворожского педагогического института
Государственного высшего учебного заведения
«Криворожский национальный университет»*

Нужные слова Михаила Моисеевича Гиршмана

В рое воспоминаний о своем учителе (в самом высоком, восточном, смысле этого слова) я сосредоточусь только на одной черте личности этого разностороннего, неисчерпае-

мого, по-настоящему духовно богатого человека, каким был Михаил Моисеевич, – умения всегда найти для своих учеников нужные слова.

Причем это распространялось не только на какие-то трудные, решающие моменты судьбы, моменты профессионального самоопределения или душевного упадка, когда слово мудрого наставника решает, куда склонится чаша весов в ситуации жизненного выбора (а несколько таких решающих бесед у меня было, за что я благодарен Михаилу Моисеевичу).

Нужные слова, верные и поддерживающие, были у Гиршмана и для всякого повседневного случая. Они были доведены великим педагогом до уровня профессиональных формул, которые, однако, не превращались в лишние живого человеческого чувства штампы. Всякий раз эти слова, добрые, мудрые, иногда ироничные (но при этом все же конструктивные!), оживали в его устах, исполненные смысла и искреннего человеческого участия.

Как правило, это были цитаты из хорошо известных авторов или мыслителей, которые, однако, преобразованные личностью Михаила Моисеевича, как бы обретали новую неповторимую авторскую интерпретацию, а иногда были и просто его слова. Например, уставшим от писания конспектов студентам он мог сказать: «Рука бойцов колоть устала», и настроение поднималось. Наверное, все его подопечные помнят советы учителя взять что-либо «в светлое поле своего сознания» или его полушутя произносимое, «сначала дела общественные, а потом личные».

Мне, студенту, пребывающему на начальных курсах филфака в еще полудиком по филологическим меркам, состоянии, он постоянно повторял строчку из Окуджавы: «Не оставляйте стараний, маэстро!». Это было не нудно, хоть и назидательно, но как-то задорно. В самом деле, хотелось быть лучше, работать над собой.

Когда я мог не поступить в аспирантуру в силу не зависящих от меня обстоятельств (места могли просто не выделить), Михаил Моисеевич сказал, что, в крайнем случае, можно будет пойти сюда через год и добавил: «Это, конечно, драма, но не трагедия». Через некоторое время я подумал: в самом деле – не трагедия, отпустил ситуацию и благополучно поступил в том же году.

Когда я, с трудом справляясь с волнением, выходил на предзащиту своей кандидатской диссертации, а предзащита в нашем университете гораздо строже и по-научному принципиальнее, чем защита, в личной беседе мой наставник с улыбкой напомнил слова Бертольда Брехта:

Плохой финал заранее отброшен

Он должен, должен, должен быть хорошим!

Волнение, причиной которому были кое-какие подводные камни, имеющие место тогда в нашем научном сообществе, как рукой сняло. Слова вроде бы простые, но Михаил Моисеевич умел сказать простое как-то по-особенному. Может быть, ему помогал его природный артистизм или умение прекрасно читать стихи, но вернее то, что дело было не в словах, а в нем самом.

Однажды, будучи еще студентом, я обсуждал с Михаилом Моисеевичем свой доклад на конференции. Там было что-то об онтологии творчества и о бессмертии, которое обретает художник в творческом акте. Мой научный руководитель обратил внимание, что я слишком легковесно обращаюсь с понятием творческого бессмертия: «Бессмертие-то это особое», – сказал тогда Михаил Моисеевич. Сегодня его уже нет с нами, но я уверен, что особое бессмертие – прежде всего продолжение в своих учениках, в длящейся жизни научной школы, которую он основал, – М.М. Гиршман обрел.

*Олег Миннуллин,
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры теории литературы
и художественной культуры
Донецкого национального университета*